

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
2018 - 2019 учебный год
муниципальный этап
11 класс

Задание 1. Выполните целостный анализ прозаического или стихотворного (на ваш выбор) произведения.

1.1. Задание: Выполните целостный анализ предложенного прозаического произведения. Вы можете опираться на данные после него вопросы, а можете выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Рассказ

Марина Артуровна Вишневецкая (1955)
«Т.И.Н. (Опыт сада)»

Соседи моей двоюродной сестры, пока не новые русские, но люди, к этому явно предрасположенные, много и трудно для этого работающие, хочется сказать старомодно: "попросили меня посидеть"... но нет, наняли на три летних месяца няней и немного гувернанткой - за хорошие, по моим представлениям, деньги. В институте к этому времени мне оставили уже только заочников, так что лето, все целиком, стало моим.

В нашем с Дашей распоряжении оказалась половина одноэтажного дома: три комнаты с кухней и чудной, обитой вагонкой верандой. Вход у нас был отдельный, перед крыльцом цветник, вокруг дома сад.

В этом саду я впервые увидела, как раскрывается мак. Происходит это ровно за двадцать минут. Лопается бутон, причем лопается внизу, под ним оказывается ком как будто смятой папиросной бумаги. И этот ком на твоих глазах неспешно приподнимается, расправляется, чтобы в конце концов сбросить зеленую, шершавую, мешающую прищепку. Новорожденный мак еще влажен - всего только мак, а стоит и покачивается, как однодневный теленок. Он родился. Если ты это видел, его уже невозможно сорвать.

А чтобы увидеть закат - во всю ширь, иногда во всю его многоярусную и многоцветную глубину, - нам с Дашей было достаточно выйти на огород. А уж если девочка моя не ленилась, не капризничала, не сводила со мной счеты за какое-нибудь дневное "нельзя", мы отправлялись на наш косогор: внизу, словно в чьей-то мозолистой ладони, лежала деревенька, а за ней вверх по склону, к самому небу карабкался густой, смешанный, в эти минуты уже, как смола, черный лес и впечатывал свои ели в самые облака. В августе на эту натруженную ладонь, как будто другой, свободной рукой, были небрежно брошены хлопья тумана. И похожая дымка то там, то тут тянулась над лесом. В моем детстве мы украшали елку просто кусочками ваты. А получалось вот так же таинственно.

Когда солнце соскальзывало, а иногда казалось, стекало за растопыренные, будто вырезанные ножницами ели, и утягивало, - а он медлил, не хотел, не утягивался, - последний лучик, Даша сердилась, сердилась искренне, а хмурилась деланно, яростно топала ногой: "Ну все, его нет! Все, все, пошли отсюда!" - как будто и ей могло быть по-настоящему грустно. Грустно, в какой-то миг безысходно, потом отстраненно, спустя мгновение - отрешенно... и вдруг почему-то светло. Невыразимо. Стареющая женщина и девочка четырех с небольшим лет, друг другу случайные, можно сказать, чужие, стояли, в этой невыразимости увязнув, - если правда, что птицы во время заката на миг умолкают, я думаю, ровно по той же причине, - а потом и мне, и ей как-то сразу делалось зябко. Она хныкала, просила жакетик, хотела, чтобы домой я несла ее на руках. И часто засыпала, прилипнув кудряшками к моей взмокшей шее, укаченная на ходу моим немного вразвалочку шагом. В саду было уже по-настоящему сумеречно. И только синицы дозванивали невысказанное друг другу за день.

Ночью яблоки буквально шагали по саду - большими размеренными шагами. И от Даши, на соседней кровати неслышной, беспомощной, кроткой, себя уже было не отличить. По саду расхаживал кто-то огромный, надежный, правильный. Казалось, вдохнет, дунет и раскачает твою колыбель. Ночью ведь спишь в положении эмбриона... и, видимо, потому все твои возрасты проваливаются куда-то в подпол. Лежишь и слушаешь, как мыши их перемалывают в труху.

Или - как безумствует дождь.

Ливень по саду метался, в нем неистовствовал. Листья, земля, цветы, крыша над головой дрожали, звенели, кричали в ответ. Потом ветер стихал, а дождь все только усиливался - это была неостановимо работающая гильотина, то и дело вспыхивающая своим занесенным острием. Она рубила все нити, связывающие нас с большой землей. Плащ, сапоги, зонт, набитый продуктами холодильник, мобильник, оставленный Дашиними родителями, - не утешало ничто. Потому что переживание было каким-то мистическим. В городе, в блочной многоэтажке, когда ночью льет дождь, думаешь о тех, кто в земле, какого им там, бедным, - мужу, маме... Или если отец допоздна засиделся на лавочке, смотришь, как тяжело он переставляет ноги, как, промокнув уже насквозь, в облепивших его худобу штанах и рубахе, медленно шкандыбает к подъезду. Или как случайный прохожий мечется между потоками, низвергающимися с крыши, и неотвратимым прибоем, несущимся на него из-под колес...

На даче все по-другому. Ты - младенец, предсказания были ужасны, родители в них поверили и вот ты уже брошен в корзину, корзина - в бурную, пенящуюся реку, - ты все уже понимаешь, но не в твоих слабых силах что бы то ни было изменить.

Если же гром стучал кулаком прямо по нашей крыше - однажды спросонья мне показалось: это неспелый арбуз свалился мне на голову и вот уж в разные стороны полетели белые ломти-ошметки! - Дашка в ужасе забиралась в мою кровать, дрожала, прижималась к моему и сквозь ночную рубашку теплу, может быть, даже жару своим холодным, дрожащим тельцем, - дом становился ковчегом, а голубь, отправленный наугад, на удачу, дважды уже возвратился. Кто знает, он мог вернуться и в третий раз - книга книг еще не была написана. И слова, которые я шептала всхлипывающему в меня комочку, - про долгожданную воду, которую пьют сейчас под землей гномики, эльфы, и червячки, и кроты, и мышки, и корни деревьев, а домовята сейчас запасают воду для баньки, а добрые кикиморы (слышишь, как плещутся?) отмывают на болоте своих маленьких деток, - были не из меня, я не знаю откуда, - из детства? не моего - еще прапрабабкиного, должно быть.

Утром я снова просыпалась во взрослость, вернее сказать, в престарелость... Горсть таблеток запивала родниковой водой. Здравовалась с паучком, высевающим перед дверью веранды - всегда на уровне моих глаз. Он был очень похож на краба и так затейливо полосат, а может быть, даже и конопат, что мне бы для полноты знакомства десятикратную лупу, а я опять забыла ее в Москве!.. Боднув паучка ногтем, - отчего он стремительно, точно кисть виртуозной арфистки, уносился ввысь, - я открывала дверь. Я точно знала, что сейчас увижу... А увиденное опять заставало врасплох. Трава от густой росы стояла вся белая, солнце еще не поднялось, а яблоки лежали в траве и светились. Даже в самое хмурое утро. Свет был у них внутри. Наш с Дашкой белый налив - с обязательной темной отметиной на ударившемся боку. Яблоки я собирала в корзину. Рыхлость отметин вырезала. И делала яблочное пюре.

Я застала Дашу в тот миг ее жизни, когда маленькая девочка таинственным образом уживалась в ней с маленькой женщиной, манерной, капризной, подчас дрянной. "Ты не любишь меня, ты никого не любишь! У тебя поэтому нет детей! Моя мамочка дорогая, родная придет и выгонит тебя отсюда на кулички!" - вдруг кричала она на самый пустяковый запрет. И валялась в траве, на полу, однажды даже в грязи - там, где застала ее ярость. Она знала, как я люблю этот мак, он раскрылся на моих глазах, когда Даша еще спала, но все увиденное я ей рассказала, и она несколько раз в день подбегала к нему, ручки смешно заводила за спину и нежно вдыхала... А потом вырвала его - где только силы взяла? - прямо с корнем, стоило мне не включить ей в сорок пятый раз ее любимый фильм "Лабиринт" - из-за долгой прогулки мы не успели с ней позаниматься французским. "У тебя тоже не останется в жизни больше никакой, никакой, никакой радости!" - и топтала его ногами.

И это же самое дитя, спустя всего час, могло положить мне головку на руку, на колени, руку поцеловать - без притворства, с нежностью, которая возможна разве что между шмелем и цветком: "Таточка, ты мне совсем еще не надоела. Ты будешь жить с нами всегда-всегда?" Ее влажно набухшие от полноты чувств глаза смотрели прямо в меня, минуя зрачки, в мою испуганно сжавшуюся, а потом вдруг рванувшуюся к ней душу.

Синицы появились в нашем саду в середине июля. Стояла жара. Две мелкие птички обнаружили под козырьком крыльца небольшой прямоугольный провал и стали пытаться в него влететь. Перечеркивали воздух, в нем изворачивались, метались, старались... Но с легкостью у них это стало получаться не сразу. Только к вечеру первого дня. Чтобы их возле нас удержать, мы стали

подкармливать их семечками. Сыпали щедро - на перила крыльца. И через несколько дней у нас столовалось уже шесть "летучих яблочек". Это Дашка их так окрестила.

Спустя пару недель, совсем к нам привыкнув, они хватали гостинец почти что из рук. Если же мы вдруг про них забывали, принимались метаться перед самыми глазами, доводя Дашу до иступленного, восторженного визга.

Схватив семечку, птица неслась на яблоню. Семечку придерживала лапами и долбила клювом. Вдруг слышался легкий хруст - точно такой же, когда лузгу разгрызаешь зубами. И ровно на этот миг делалось что-то понятней - про себя, про синицу... может быть, про то, что бездна, нас разделяющая, не так и огромна.

А потом они начинали звенеть. Пока они пощелкивали или потенькивали, они все-таки были птицами. Но их металлический перезвон, а в иные мгновения он становился и вовсе хрустальным, делал их существами иной природы - механической, ангельской, я не знаю какой, - неземной. Плачу я легко, слезы мои стоят не дорого. Но чтобы вдруг прослезиться от звона синиц, чтобы слушать его с перехваченным горлом?.. Потому ли, что всякий сад - это Сад?

Когда над ним повисало облако, - монументальное, затейливое, изощренно вылепленное еще и светом, еще и тенью, во всей необозримости времен и судеб - такое одно, на твоих глазах едва уловимо меняющееся, только в это мгновение и существующее, стоящее и плывущее, несоразмерное ни тебе, ни божьей коровке, ни дереву, а все-таки позволяющее себя охватить целиком и уже только этим всех уравнивая со всеми, - сад тоже делался островом, облаком, астероидом, обещанием встречи с теми, с кем никогда уже не увидеться на земле. Сад, такой живой и сиюминутный, каждый миг изумлявший то снежно-белой запорошенностью жасмина, то торжественно бордовым свечением барбариса, то вдруг огненно полыхнувшими возле изгороди настурциями или малиной, которую, сколько ни собирай, всякий день ее делается больше и больше, - в конце августа, как бывает только перед разлукой, сад во мне словно бы замер, потом как будто окаменел... Он стал казаться мне каменной скрижалю, истертой миллионами прикосновений, но если закрыть глаза и отправить в путешествие зрячие пальцы, под ними вдруг проступали разрозненные, случайные буквы. Они не складывались в слова. Я думаю, у меня просто не хватало воображения. А может быть, памяти.

Память таилась в непредсказуемых Дашиных реакций. Вот она выметает с веранды добрую дюжину скукожившихся насекомых. Пальчиками выхватывает из кучки пчелу, кладет на ладонь и слезно бормочет: "Пчелочка, ну пчелочка! Ну лети же!" - и подбрасывает ее с истовой верой в то, что смерти нет. А вот моя девочка маленькими осторожными шагами подходит к парнику - хозяйка впервые нас сюда позвала - полюбоваться. От всего увиденного Даша сутулится и крадется, на лице почти испуг, в глазах - изумление: оказывается, перцы, огурцы и помидоры растут фактически на деревьях, оказывается, помидоры бывают и желтого, и темно-бурого, и даже черного цвета, а помидор "бычьё сердце" - по форме точно такой, как сердечко на заколке в ее волосах, только уж слишком огромный - на ее глазах сорванный и подаренный ей помидор. Она, как цыпленка, бережно прижимает его к груди. Мы выходим на воздух из влажного, целлофанового тепла. Мне кажется, Даша сейчас заплачет, иначе с увиденным не совладать. Молчит. Посапывая, идет по тропинке. На нашем крыльце наконец настороженно говорит: "Я его съем и что? Мое сердце станет таким же? Пребольшим-пребольшим и небьющимся?" - "Нет, не бойся! Не станет!" - "Нет, станет! Сейчас как съем его! И ты тоже, Таточка, чтобы ела!" - "Я не хочу, чтобы мое сердце стало небьющимся!" - "А я хочу! Я для тебя же хочу! Раз оно опять у тебя вдребезги!" - ноздри ширит, как мама, а в глазах, больших, папиных, влажно-матовых, будто только что вынутый из колючей шкурки каштан, насмешка, потом вдруг растерянность, нежность. Она кладет помидор на крыльцо, прижимается, обнимает мои колени. Август кончается. Скоро разлука.

Дашина мама, регулярно приезжавшая к нам на полтора выходных, - что давало мне маленький роздых, а главное - возможность метнуться в город, к отцу, - к этой разлуке Дашу готовила, видимо, исподволь. Я-то долгое время считала, что и в Москве хотя бы один раз в неделю мы продолжим наши занятия французским, чтением, счетом. Ведь мы, на удивление, много успели за лето. Но Дашина мама, женщина молодая, решительная, практичная, рассудила иначе. Ей не хотелось, чтобы Даша привязывалась к кому бы то ни было. Она не отваживалась делить с чужими людьми девочкину любовь.

А все-таки этот сад у нас с Дашкой был. Я думаю, только стареющие женщины и совсем маленькие девочки в слове "был" могут расслышать "есть". Для всех остальных жизнь - это бурная, порожистая река, берега все время меняются, слева и справа то и дело являются новые виды... А то,

что вытекает эта река из сада и возвращается в тот же сад, люди не понимают, вернее сказать, не помнят. Да и я, не случись в моей жизни этого лета, почти наверняка об этом не вспомнила бы.

Деньги за август Дашин отец привез только в начале октября. Стоя в дверях, скомкано извинился, беглым взглядом прошелся по унылости нашей прихожей, в прошлом году залитой соседями и до сих пор так и не отремонтированной... Протянул конверт и стал уже было прощаться. Вдруг сказал: "А знаете, что она вчера про вас изрекла? Уже в кровати!" Я пожала плечами. "Папочка! Почему так получилось, что у Таты такое красивое лицо? Я хочу увидеть ее голову и глаза!" - а потом, как будто бы о сказанном пожалел, отмахнулся рукой... или это он так со мной попрощался и бросился к лифту.

2002г

Опорные вопросы

1. Можно ли считать образ сада в рассказе прообразом Эдема?
2. Является ли проза М.А. Вишневецкой открытием мира и человека в нём ?
3. Какие возможности открывает автору сказовая форма?
4. Какую традицию русской и зарубежной литературы продолжает М. Вишневецкая, называя свой рассказ «опытом»?

Примечания

Марина Артуровна Вишневецкая – современная писательница, сценарист

1.2. Задание: Выполните целостный анализ предложенного стихотворного произведения. Вы можете опираться на данные после него вопросы, а можете выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Стихотворение

И. Бродский (1940-1996)

Я входил вместо дикого зверя в клетку,
выжигал свой срок и кликуху гвоздем в бараке,
жил у моря, играл в рулетку,
обедал черт знает с кем во фраке.
С высоты ледника я озираю полмира,
трижды тонул, дважды бывал распорот.
Бросил страну, что меня вскормила.
Из забывших меня можно составить город.
Я слонялся в степях, помнящих вопли гунна,
надевал на себя что сызнава входит в моду,
сеял рожь, покрывал черной телью гумна
и не пил только сухую воду.
Я впустил в свои сны вороненый зрачок конвоя,
жрал хлеб изгнанья, не оставляя корок.
Позволял своим связкам все звуки, помимо воя;
перешел на шепот. Теперь мне сорок.
Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной.
Только с горем я чувствую солидарность.
Но пока мне рот не забили глиной,
из него раздаваться будет лишь благодарность.
1980г.

Опорные вопросы

1. Можно ли считать, что в канун сорокалетия, И. Бродский подводит предварительные итоги жизни?
 2. Есть ли в оценке жизни и выпавших на долю тягот доли преувеличения?
 3. За что из уст лирического героя раздаётся благодарность?
- Иосиф Александрович Бродский – русский, американский поэт.

Задание 2. Творческое задание.

Сказка всегда была связана с жизнью этноса и обусловлена своеобразием исторического контекста. Не случайно сказки классифицируются по гео-этнографическому принципу. Несмотря на имеющиеся различия, сказки народов мира, их сюжеты и типы героев находятся в родстве.

Бурятская народная сказка «Баргу и Булагчин» по типологии В.Я. Проппа принадлежит к простой одноходовой сказке.

Прочитайте бурятскую народную сказку «Баргу и Булагчин» и русскую народную сказку «Курочка ряба». **Определите, есть ли между ними сходство?** Можно ли считать родственными сюжеты этих сказок? Героев? К какому виду народных сказок относятся указанные произведения? Обоснуйте свою позицию. Находят ли отражение выведенные Вами характерные особенности анализируемых сказок в иных произведениях или жанрах устного народного творчества?

Примерный объем работы 200-300 слов.

Примечание: объем творческой работы определяется Вашим замыслом и может выходить за рамки указанного.

Для ознакомления. Бурятская народная сказка «Баргу и Булагчин» и русская народная сказка «Курочка ряба»

Русская сказка «Курочка Ряба»

Жили-были дед да баба. И была у них Курочка Ряба.

Снесла курочка яичко, да не простое - золотое.

Дед бил – не разбил.

Баба била – не разбила.

А мышка бежала, хвостиком махнула, яичко упало и разбилось.

Плачет дед, плачет баба и говорит им Курочка Ряба:

– Не плачь, дед, не плачь, баба: снесу вам новое яичко не золотое, а простое!

Бурятская сказка «Баргу и Балагчин»

На западной стороне Бакала, к Ангаре и Енисею, тысячу лет назад жило одно племя бурят. У них был свой вождь – прославленный охотник Булагчин. Всю жизнь он водил племя по крутым горам и гольцам, по таким трупобам, где теперь человек не пролезет.

У Булагчина был младший брат, звали его Баргу. Однажды всё племя остановилось на берегу против Ольхона. Баргу сказал брату:

– До каких пор мы будем лазить по тайге, давай выйдем в степь и там заживём спокойно.

– Если ты хочешь охотиться, то кочуй на аларь и там питайся мышами. Степи скудные, ты пропадёшь там с голоду.

Баргу не послушался Булагчина, подговорил послушных себе людей и за неделю откочевал в степь. Степь в то время называлась аларью. Баргу развёл скот, целые табуны коней и зажил припеваючи.

Булагчин не знал, как там в степи устроился его брат, сердце у него болело, и он каялся – зачем ему надо было угнать от себя брата? Через несколько лет, не имея никаких слухов о Баргу, Булагчин послал гонца в степи, чтобы разыскать брата. Когда гонец вернулся, то рассказал, что аларцы живут в довольстве, ни в чём не нуждаются, что народ его племени живёт в мире и благодати.

Булагчин не поверил ушам своим и решил навестить брата. Не доехал он до брата один день езды и видит, что степь вся черным – черна от разного скота. «Видать, верно говорил гонец мой», – подумал Булагчин и начал объезжать стада.

Целую неделю объезжал он табуны коней, гурты коров и отары овец. Всех не объехал, надоело ему трястись в седле, и направился он к юрте родного брата.

Баргу принял его с радостью. Посмотрев на богатство брата, Булагчин решил вывести своих охотников из тайги в степь. Он поселился недалеко от брата, племя которого к тому времени уже называли аларцами, а племя Булагчина потом называлось булагатами.

Критерии оценивания аналитического задания

С целью снижения субъективности при оценивании работ предлагается ориентироваться на ту шкалу оценок, которая прилагается к каждому критерию. Она соответствует привычной для российского учителя четырехбалльной системе: первая оценка – условная «двойка», вторая – условная «тройка», третья – условная «четвёрка», четвёртая – условная «пятерка». Баллы, находящиеся между оценками, соответствуют условным «плюсам» и «минусам» в традиционной школьной системе.

Пример использования шкалы. При оценивании работы по первому критерию ученик в целом понимает текст, толкует его адекватно, делает верные наблюдения, но часть смыслов упускает, не все яркие моменты подчёркивает. Работа по этому критерию в целом выглядит как «четвёрка с минусом». В системе оценок по критерию «четвёрке» соответствует 20 баллов, «тройке» – 10 баллов. Соответственно, оценка выбирается проверяющим по шкале из 16-19 баллов. Такое «сужение» зоны выбора и введение пограничных оценок-«зарубок», ориентированных на привычную модель оценивания, поможет избежать излишних расхождений в таком субъективном процессе, как оценивание письменных текстов.

Оценка за работу выставляется сначала в виде последовательности цифр – оценок по каждому критерию (ученик должен видеть, сколько баллов по каждому критерию он набрал), а затем в виде итоговой суммы баллов. Это позволит на этапе показа работ и апелляции сфокусироваться на обсуждении реальных плюсов и минусов.

Критерии:

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту. Учитывается точность, полнота, развернутость ответа, обязательность опоры на примеры из текста, учет связей разноуровневых элементов художественного целого.

Максимально 30 баллов. Шкала оценок: 0 – 10 – 20 – 30

2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту произведения.

Максимально 15 баллов. Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10

4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10

5. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие речевых и грамматических ошибок).

Примечание 1: сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчётом ошибок не предусматривается. Примечание 2: при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трёх ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов.

Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 0 – 1 – 3 – 5

Итого: максимальный балл – 70 баллов

N.B. Вопросы, предложенные школьникам, не обязательны для прямого ответа; их назначение – лишь в том, чтобы направить внимание на существенные особенности проблематики и поэтики текста. Если ученик выбрал собственный путь анализа – он имел на это право, и оценивать надо работу в целом, а не наличие в ней ответов на опорные вопросы.

Критерии оценивания творческого задания

Творческое задание призвано выявить творческие способности школьника, умение создавать разные по жанру и стилю тексты, готовность решать нестандартные (с точки зрения школьного обучения) филологические задачи, выступать в роли редактора, журналиста, писателя, рецензента,

популярного блогера, комментатора, учёного и в других ролях, требующих филологической подготовки, широкого литературного и культурного кругозора, языкового чутья и художественного вкуса.

Предложенное задание носит творческий характер и одновременно ориентировано на проверку литературной и речевой эрудиции участников олимпиады.

Максимальный балл - 20:

1. Определение линий сходства сюжетов, героев произведений (в рамках особенностей народных сказок вообще и их бытовой разновидности).

Максимально 5 баллов. Суммарная шкала оценок: 0 – 1 – 3 - 5

2. Определение вида народной сказки (бытовые) – 1 балл, обоснование - 4 балла;

Максимально 5 баллов. Суммарная шкала оценок: 0 – 1 – 3 - 5

3. Привлечение фонового контекста из других произведений и жанров устного народного творчества – 2 балла, обоснование – 3 балла.

Максимально 5 баллов. Суммарная шкала оценок: 0 – 1 – 3 – 5

4. Широта культурного кругозора, литературная эрудиция, проведение литературных параллелей.

Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 0 – 1 – 3 – 5